

9171

С-837.

В. Чугунов

С 891.7
С 4-837

Горючий
Камень
стихи

Новосибирск • 1939

В. ЧУГУНОВ

891.7-1
4-837

891.7-1 314007

4-837 Чугунов, В.

Горячий камень

1-05

Мол. Фил. Б. ка

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

СТИХИ

67569963017091

Г

НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК 1939

СОСНА

На склоне дня в червонной позолоте
Стоит сосна, стройна и высока.
Над ней летят, сверкая, самолеты
И белогрудые кочуют облака.
Ее вершину молнией могучей
Гроза разбила. И у той сосны
С каким-то гневом бронзовые сучья
Над головой с тех пор занесены.
Хранит сосна на смуглом теле знаки
Далеких встреч и чьи-то имена.
По вечерам в сыром и плотном мраке
Ей грезились былые времена.
Ей вспоминалась предельсть диких весен,
Когда в корнях рождаются ключи,
У одиноких лермонтовских сосен
Рычат потоки, бьются косачи.
И вновь трубит весна...
Опять в овраге,
Беснуясь, мчится бурная река.
Горят костры и вспыхивают флаги,
По полевому шпату бьет кирка,
И режет землю звонкая лопата,
И рвет коренья злой земли.
Здесь будет парк. Веселые ребята
К сосне недаром песню принесли.

Они поют о Мурманской дороге,
Они поют: «Стояло три сосны,
Со мной прощался милый»... И о многом
Поют они, хмельные от весны.
И зашумели ветви, закачались,
Пролетный ветер наклонил сосну.
Под нею тоже, может быть, прощались
И назначали встречу на весну.
И вот сосна совсем по-человечьи
Навстречу людям ветви подала,
Чтобы при новых и счастливых встречах
Под нею наша молодость цвела.

ПОДРУГА

Когда хрипят часы и бьют двенадцать,
И стрелки черные сливаются в одну,
Я так хочу с тобою повидаться,
Открыть тебя, как новую страну.

Тебя, подругу детства, не забыл я
И, четверть века на земле прожив,
Почувствовал сегодня с новой силой
Воспоминаний радостный наплыв.

Земля цветет. Ее весенний запах
Теперь как никогда волнует кровь.
Но мы с тобой познали не в атаках
К земле и родине огромную любовь.

Мы смутно помним годы боевые,
Нас не ожгли жестокие бои.
Веселые, от солнца золотые
Выходят в жизнь ровесники мои.

Припоминаю: шел с тобой полями.
Был жаркий полдень, мне хотелось пить.
И поднял я стакан снаряда в яме,
Чтоб из ручья мне жажду утолить.

Пропахший дымом и прозой военной,
В руках дрожал надколотый снаряд.
Я пил до дна, хмелея постепенно,
А губы до сих пор еще горят.

Вот это все, что нам напоминало
Бои во имя солнечной земли,
Чтобы на ней пшеница волновалась
И золотые лютики цвели.

Снаряды землю вновь рванут картечью
И на цветы падет зловонный дым.
Тебя — сестру на фронте если встречу.
Мы детство вспомним и поговорим.

12 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА

Широка и обильна страна,
Нерушимы ее границы.
В этот год прошумела она
Небывалым разливом пшеницы.
И великая Волга-река
Под кремлевские древние стены
Катит волны, покрытые пеной,
Отражая в себе облака.

А на башнях, в миллионы карат
Размерцавшись опьями цветными,
Наши красные звезды горят,
Самолеты проходят над ними.
Через Северный полюс прошли,

От Москвы до Японского моря,
С ураганами ярими споря,
Не теряя родимой земли.

И двенадцатый день декабря
В новых песнях прославлен недаром:
Это новой эпохи заря
Над земным разгорелась шаром.
Бушевала весь день непогода,
Но казался мне солнечным день:
Я от сердца подал бюллетень
За вождя трудового народа.

НОВЫЙ ГОД

От границы Дальнего Востока
До Москвы отправился в поход
Молодой, плечистый и высокий
И такой веселый Новый Год.

Тишину нарушив на заставах,
Бьют часы двенадцать раз подряд,
И великой родине во славу
Песни оборонные гремят.

К Комсомольску Новый Год шагает.
Радость этой встречи не уймешь.
Он с большим волнением обнимает
Боевую нашу молодежь.

На столах в бокалах семицветных
Золотое пенится вино.
Бьют часы. И время незаметно
Молодому году отдано.

Он по городам и селам снова
Отправляется в далекий путь.
У него, такого молодого,
Вовсе нет желанья отдохнуть.

Побывал в Чите и у Байкала —
Нипочем ему седой мороз.
И звенели в честь его бокалы,
Песни подымались выше звезд.

В Красноярске бьют часы... Готовьтесь:
Это значит, ровно через час
Долгожданным и веселым гостем
Новый Год появится у нас.

Он идет спеша. И где-то близко
Под его ногой снега хрустят.
Славный миг — часы в Новосибирске
Мерно бьют двенадцать раз подряд!

Так здоровый, бодрый и веселый
Молодой, неудержимый год
Через города, поля и села
До Кремля московского дойдет.

И, как время, мчатся мысли наши
К Сталину, в Москву — через Урал...
И часы Кремля на древней башне
Заиграли «Интернационал».

МАЙ

В этот славный год сама природа
Раннею весной обрадовала нас,
И мечта великого народа
Вольной птицей к солнцу поднялась.

На земле республики Советов
От морей до цепи синих гор
Столько майской радости и света,
Так разнообразен разговор,
Мы как клятву повторяем: Сталин!
Это имя силу нам дает,
Открывает солнечные дали
И к победам Родину зовет.
Слышишь ты раскат далекий грома,
Только туч не видишь ты вдали...
Это от земли аэродрома
Поднялись стальные корабли.
А земля гудела, выгибаясь,
От натуги вздрагивала вся.
Это танки, громохвая, мчались,
Кони пролетали на рысях.
Закаляй, земля родная, нервы!
Сбор труба военная поет.
Это на весенние маневры
Армия великая идет.

ВЕСНА В ГОРОДЕ

Черный снег растаял на панели
От лучей апрельских и капель.

Солнца золотые самородки
Блещут в круглой луже, острой льдине.
Подойди, —
Возьми свою находку!
Подошел —
И нет ее в помине.

То ли солнце скрылось?
Или, засты,
Тень косая пала от меня?
Только наше не исчезнет счастье,
Как сиянье в светлой льдине дня.

Пала тень...
На сердце долго, долго
Холодно, как в льдине голубой.
Под руку возьму тебя я, Ольга,
И пройдемся городом с тобой.

Рассыпая брызги из-под крыльев,
Проискрившись лаком и стеклом,
В голубом дыму автомобили
Мчатся, исчезая за углом.

По дуге железной огибаю
Площадь Сталина,
Неистово звеня,
Двигутся зеленые трамваи,
Голубые лужи зелена.

Сколько солнца!
Никакая туча,
Облака, бросающие тень,
Не закроют голубой, могучий,
Куполообразный этот день.

Мы идем по улице...
И снова
На панелях, в скверах и садах
Самородки солнца золотого
И апрельский день в твоих глазах!

ЖАЖДА

В тайге жара. Глубокий лог
Гнилой испариной дымится.
Идешь вперед — и нет дорог,
И нет ручья, чтобы напиться.

Я грежу, как журчит ручей,
Раздвинув корень древней ели.
Иголки низменных ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.

Над ним шорхает мотылек,
Букашки ползают по илу.
Живой воды один глоток
Вливает в тело жизнь и силу.

Я так ищу любви твоей,
Как ищут ключ у корня ели,
Где иглы низменных ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.

СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Просишь ты лирических стихов,
Чтобы строчки сердце волновали,
Чтоб на каждый затаенный вздох
Все слова любовью отвечали.

Что же, принимаю вызов твой!
Я не ставлю над стихом названья.
Свежею весеннею травой
Этих строк наполнено дыханье.

О, как величав язык любви!
Бьется сердце, щеки пышут ало.
Ты меня по имени зови,
Как в далеком детстве называла.

Я опять читаю наизусть
Первое свое стихотворенье.
В нем такая искренняя грусть,
Буря чувств, черемухи цветенье.

Осыпаются с черемухи цветы,
Затаит она дыханье на год.
На тяжелых ветках видишь ты
Гроздь крупных и созревших ягод.

Ты пила черемуховый сок,
Золотой от солнечного света,
Потому веселый твой зрачок
Вечно мне напоминает лето.

**
*

Ты припомни день июльский,
Тальником заросший вал.
В тростниковую свистульку
Ветер песни напевал.

Срезал я свистульку эту
И у розовой воды,
Сам подсвистывая лету,
Трогал чуткие лады.

Ты на берег выходила,
Весела и молода,
Ты с собою выносила
Два покрашенных весла.

И на лодке остроносой
Уезжая в тальники,
Заплетала в черны косы
Лилий белые венки.

Только нам пришлось проститься —
Поворот событий крут:
Ты уехала учиться
В медицинский институт.

Наши лилии завяли,
Лодка дремлет кверху дном.
И снежинки залетали
Белой стаей над прудом.

Ты приедешь в день июльский
На каникулы домой.
Срежу я опять свистульку —
Жди сигнал условный мой!

**

С четырех сторон пихтач и кедры,
Над прудом черемуха цветет
И роняет в темный омут щедро
Лепестки и ветки каждый год.
У обрыва из густого ила
Ласточка гнездо себе слепила.

Твой отец живет в домишке старом,
В комнатах — покой и тишина.
На стене твоя висит гитара,
И у ней оборвана струна.
В дальнем городе, залетная, живешь ты —
Ждет отец и не дожидется почты.

Ты отца седого успокой,
Обещай приехать в домик старый,
Чтоб своєю опытной рукой
Вновь настроить звонкую гитару.
Старику все ночи напролет
Снится край, где дочь его живет.

**

Что лицо твое туманно,
Нет улыбки, голос тих,
Золотой песок Алдана
Не блестит в глазах твоих?

А припомни, как, бывало,
Выходила в тесный круг
И смеялась, и плясала,
И задорила подруг.

А припомни, как, бывало,
Только лад гармони тронь,
Ты частушки напевала
Под веселую гармонию.

А припомни, как, бывало,
На рассвете золотом
В первый раз поцеловала
Парня с пасмурным лицом.

Ты припомни по порядку
Светлой юности дары,
Голосистую двухрядку,
Игры, песни и костры.

Всё припомни, дорогая!
Вспоминая, улыбнись,
Чтобы искра золотая
Засияла у ресниц.

ТАМАРА

Небосклон закатом разукрашен,
Светлая за городом река.
За рекой стоят, подъявля башни,
Синие, как скалы, облака.

Будто там стремительным потоком
Дикий Терек гонит валуны,
У царицы в терему высоком
Свечи цвета молний зажжены.

С тех ли скал заоблачных, Тамара,
Ты идешь по скверам городским,
Смугло-золотая от загара,
С легендарным именем своим.

День в закате... Около купален
Золотые небо и вода.
На песок остывший тени пали,
Скоро вспыхнет первая звезда.

Белоснежный лермонтовский парус —
Я его, как в детстве, узнаю —
Увозил красавицу Тамару,
Героиню лучшую мою.

За кормою волны пробегали,
Ветер задыхался в парусах.
Как мечта, как счастье мчался ялик
С голубой каймою на бортах.

И на кромке голубого цвета
Изумленный вдруг увидел я:
Имя русского великого поэта
Омывала пенная струя.

ОКТЯБРЬСКАЯ ЗДРАВИЦА

Да здравствует наша большая держава,
Ее двадцать первый прославленный год,
Да здравствует наша всемирная слава,
Которую добыл советский народ!

Мы жадно смотрели в открытые дали,
И каждый был творческой мыслью томим.
Построили сами асфальтовый Сталинск,
И зарево плавок пылает над ним.

Глубокие шахты в Прокопьевске рыли
И штольни пробрили в железных горах,
Руду добывали и уголь рубили,
Чтоб звездам гореть на высоких копрах.

Мы ехали в Томск поступать в институты,
Учились и вновь возвращались туда,
Где дым над заводом, где, в недрах замкнута,
Как клад драгоценный, хранится руда.

Свой путь отмечали флажками на карте.
И мы не боялись большого пути:
Пылали костры изыскательских партий
В Нарымской тайге, в Кулундинской степи.

Люблю я свой город... Сады и бульвары,
Бетонные зданья, трамваи... И вот
Избранник народа, товарищ Тамара,
Над городом нашим ведет самолет.

В цветах и знаменах проходят колонны,
Сверкает оркестров поющая медь.
Веселыми песнями город наполнен,
И песням веселым — до солнца лететь!

За нашу отчизну на Дальнем Востоке
Мы били бандитов в жестоком бою.
Я подвигу храбрых и мысли высокой
Октябрьскую здравицу ныне пою.

Так стой же, могучая наша держава,
Трудящихся мира надежный оплот!
Да здравствует партия, Сталин и слава,
Которую добыл советский народ!

ПОСЕВНАЯ

На заре, когда порхает ветер
И дымится талая земля,
Мимо белых домиков и ветел
Тракторы выходят на поля.
Началась в колхозах посевная!
Мастеров земля к себе зовет.
Вылетает песня молодая,
Жаворонок свищет и поет.

Мы распашем землю тракторами
И засеем золотым зерном.
Пролетает ветер над полями,
Всходы пробивают чернозем.
Прорастет зерно, заколосится,
Расцветет советская земля
От далекой будки пограничной
До звезды рубиновой Кремля.

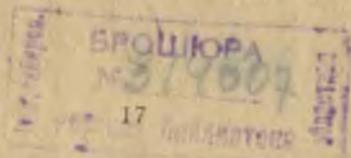
Выйдешь в поле — не окинешь взором
За весну распаханной земли,
Уходящей к лесу и озерам,
К небу примыкающей вдали.
Режьте пашню, лемеха литые,
Глубже поднимайте целину,
Чтоб ходили волны золотые
Через всю могучую страну!

НА КОЛХОЗНОМ СТАНЕ

Жгли костры. Пришла бригада.
В поле жить не хуже нам!
Пели девки. Села рядом
Бравых парней дюжина.
Коренаста и плечиста,
На басах простужена,
В крепких пальцах гармониста
Песня — слаще ужина.

Парень ставил рожь в суслоны,
Хлеб машиной новой жал.
Нынче вышел в круг с поклоном
И на жницу указал.
От костров пылали лица,
Лунный свет в кустах лежал.
Улыбнулась парню жница,
Парень руку ей пожал.

Закружилась, как волчок,
Вздернув смуглое плечо.
— «Милка, чок, милка, чок,
Милка, чокаешь по чо?»
Дробью сыплет каблучок,
Вьются руки гибкие,
И цветет румянец щек
Яркими улыбками.
Полный колос клонит рожь
На тропинку узкую.
И, задоря молодежь,
Пляшет парень русскую!

НОЧНАЯ МОЛОТЬБА

Лес стоит в ночной глубокой дреме,
На токах всю ночь костры горят.
Как шмели запутавшись в соломе,
Молотилки за рекой жужжат.
По оврагам, сквозь рябой кустарник,
Без дорог, привстав на стремяна,
К полевому стану мчится всадник,
В облаках над ним плывет луна.
Старая опять заняла рана,
Ломит руку —
Непогоде быть...
Он рукой больною неустанно
Начинает лошадь торопить.
Всадник сам себе твердит сурово:
— «Нужно в срок закончить обмолот»...
По сухой земле стучат подковы,
Разрывая спутанный осот.
Близок стан.
В кустах уже светлее:
Полыхает небо от костров.
Разрывает темень все сильнее
Молотилок неумный рев.
Багровеют в темноте березы,
И, с трудом одолевая сон,
На седле бодрится предколхоза —
Рысью к стану под'езжает он.
Говорит он:
— «Будет непогода.
Поспевай, ребята: малый срок!»
И опять, натягивая повод,
В темный поворачивает лог.
Он уже к другому стану мчится.
Без дорог, привстав на стремяна.
У реки в кустах туман клубится,
Бледная над ним плывет луна.

По дорогам, скорость набирая,
В темноту идут грузовики,
И пшеницы вьюга золотая
Улеглась в упругие мешки!

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Золотая солнечная осень
Принесла богатый урожай.
Мы с утра овсы густые косим,
Радость песней льется через край.

Солнце красит у берез верхушки,
На поля уже ложится тень.
Запевайте, девушки-подружки,
Трудовой на славу кончен день.

Потухает зарево заката,
Ветер лег, смирившись, на покой.
Луговины пахнут сладкой мятой,
Коростели свищут за рекой.

На колхозном опустевшем стане
Тихо тлеют угли-огоньки.
И гуляют, уходя в туманы,
Девушки и парни у реки.

Но когда рассветом золотистым
Озарится поутру земля,
Вся бригада вместе с гармонистом
С прежней песней выйдет на поля.

Дорога размыта дождем проливным,
И ветер, качая лесины,
От листьев опавших казался цветным
Сквозь плотную раму машины.

С разлета к стеклу прилипают листья
И блекнут, как искры пожара.
А в плотную массу ночной темноты
Врываются яростно фары.

Знакомы шоферу лесные об'езды,
Ненастная полночь ему не страшна.
Сквозь тучи пробились далекие звезды,
На миг показалась луна.

Он скорость прибавил. За рамой машины
Уныло, дождливо, темно.
Дорогой размытой по лужам и глине
Он все-таки возит зерно.

Его заждались на приемочном пункте,
А дождь по стеклу моросит.
Вдыхает приемщик: «Уверены будьте,
В трясине машина сидит».

Сиреной покой ожиданья нарушен
И фары осеннюю непогодь рвут.
И парень промокший, в дежурку шагнувши,
Сказал: «Опоздал на пятнадцать минут».

Советует сторож: «В погоду такую
Сидел бы в тепле, отдыхал...»
Шофер закурил папиросу кривую
И, дым выпуская, сказал:

«А ну, разгружайте скорее машину!
Поеду, ребята, хотя и промок.»
Он вышел на улицу... Сильную спину
Под первый подставил мешок.

...Да, пограничный наш колхоз
Все больше засевал пшеницы.
Однажды ночью довелось
Пахать целик возле границы.

На третьей скорости мотор
Гудел... Я выжимал педали.
Невидимые цепи гор
Далеким эхом отвечали.

Гляжу на ближние кусты...
Вполне понятная картина!
Ползет ко мне из темноты
К земле пригнувшийся детина.

Я понял сразу, что не свой,
И мысль внезапная сверкнула.
Схватил масленку, крикнул: — «Стой!»
Направив в прудь бандиту «дуло».

Бандита сразу страх берет,
Его замучила одышка.
Кричу ему: — «Айда вперед!
Бежать не вздумай, будет крышка!»

Остался невредим и цел...
Я по военному уставу,
Держа масленку «на прицел»,
Привел бандита на заставу.

И вышла благодарность мне
От всех бойцов погранотряда.
Я знал, что в нашей стороне
Всегда находчивым быть надо.

Мы поднимаем целину,
Чтобы на ней шуметь пшенице,
И сторожим свою страну
С бойцами вместе на границе.

Гордятся по праву
Народы великой страны.
Сквозь снежные бури
И сетку дождя
Вело их любимое
Имя вождя.

ШАХТЕРСКАЯ

Каждый день веселою гурьбою —
Веселее надо поискать —
Мы идем в подземные забон
Первосортный уголь добывать.
Клетки нас опять спускают в гору,
Словно звезды лампочки горят,
И о нашем молодом задоре
По всему Кузбассу говорят.

Работай, товарищ!
Включается ток.
В уголь врезаясь,
Стучит молоток.
Огромная лава
Богата углем.
Мы к солнечной славе
Проходку ведем.

Ярче, ярче, лампочки, горите!
Молотки, врезайтесь глубже в пласт!
Ведь на самом твердом антраците
Ни один стахановец не сдаст.
Динамит взрывает крепкий уголь.
Решетки конвейеров гремят,
А под кровлей, стройны и упруги,
Крепи в длинный выстроились ряд.
Работай, товарищ!
Включается ток.

В уголь врезаясь,
Стучит молоток.
Огромная лава
Богата углем.
Мы к солнечной славе
Проходку ведем.

По стволу с углем грохочут клетки,
Там сигналы часты и резки.
И навстречу солнечному свету
Заблестели черные куски.
Крепнет сила нашей обороны,
Честь и слава нашего труда,
И гудит металл в кузнечных домнах,
И по рельсам мчатся поезда.

Работай, товарищ!
Включается ток.
В уголь врезаясь,
Стучит молоток.
Огромная лава
Богата углем.
Мы к солнечной славе
Проходку ведем.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

На ранице Дальнего Востока
У Амура часовой стоит.
В темном небе ясная, высокая
Золотая звездочка горит.

Звездочка мигнет и снова светится.
Ей всю ночь, всю ночь гореть.
Если суждено нам, милый, встретиться,
На звезду ты должен посмотреть.

Только ночь твоя чернее пороха,
И туманы вьются над рекой.
Каждый куст тревожным полон шорохом,
Стеречи границу, милый мой!

Пусть звезда в Амуре отразится,
Ты вперед внимательно гляди,
Ночь темна. Врагу через границу
В эту ночь, я знаю, не пройти.

На границе Дальнего Востока
У Амурской часовая стоит.
В темном небе ясная, высокая
Золотая звездочка горит.

ПЕСНЯ О НОВОСИБИРСКЕ

Где-то рядом, очень близко,
Слышен смех и говорок.
По садам Новосибирска
Пролетает ветерок.

И, звеня, идут трамваи,
Огибая поворот.
В бирюзовом небе тая,
Эскадрилья плывет.

Этот город очень молод,
Но растет он с каждым днем.
И за то, что вырос город,
Песня сложена о нем.

Видно, мы такие люди:
Слово наше — наша честь.
Если скажем:

— Город будет,
Это значит:
— Город есть!

Так споем же, дорогая,
Поднимая песню ввысь,
Про сады и про трамваи,
Про родной Новосибирск.

В ПЕРВОМАЙСКОМ СКВЕРЕ

В Первомайском сквере
Ледяные звери:
Слон, медведи белые,
Волк седой и лось.
Я доволен очень,
Что в двенадцать ночи
Мне с тобою встретиться
В сквере довелось.

Милая, взглядишь ты:
Елки серебристы,
Синие, зеленые,
Красные огни.
В эту ночь цветную
Я тебя целую,
Ты на мир глазами
Светлыми взгляни.

Пусть снежинки тают,
Пусть огни сверкают.
Гладкий лед на горке
Звонок, как хрусталь.
И горит над нами
Огненное знамя,
И, сквозь ночь и ветер,
Знамя рвется вдаль.

IV

ЯЯ

Шумно гонит воды Яя:
Дикий камень, тальники...
И журчат, в нее впадая,
Три таежные реки.

1

Голубой волне навстречу,
Из болот, как ночь глухих,
Выгибает спину речка
В тальниках береговых.

Баял парням дед горбатый,
Что у яра под кустом
В речке плавает усатый,
Почитай саженный сом.

Венгиля срывает с кольев,
Попадется — сети рвет
И гуляет по раздолью
Мутной речки взад-вперед.

Дед, конечно, рыбой бредил,
Сома видел с пьяных глаз.
Ради памяти о деде
Речка Пьяной назвалась.

А в тайге, где мгла лежала,
Из колдобин и ключей
Брал певучее начало
Голубой, как день, ручей.

Над ручьем пихтач и сосны.
Размывая темный лог,
Он несет золотиносный
Ослепительный песок.

И затерянной тропой
Мимо сосен вековых
Лоси ходят к водоюю
На копытах золотых.

Хохотушки-зимородки
Вместе с перьями цветными
Носят в клювах самородки,
Украшая гнезда ими.

Из таких ручьев в Сибири
Воду черпают руками,
Раздувая ноздри шире,
Пьют короткими глотками.

Потому ребята крепки,
Коренасты, конопаты,
Золотые кудри кепкой
Не закроешь — маловата.

3

Меж крутыми берегами
Третья плещется река,
О горючий черный камень
Трет упругие бока.

В речке теплая водица
Тальку гонит волоком.
Если в речку заглядится,
Тучей станет облако.

И над черной речкой тотчас
Заворочается гром,
Вспыхнет огненная роспись
Под невидимым пером.

Там шахтеры в час заката
Ждут возлюбленных своих
У гремучих перекатов,
В тальниках береговых.

Парней метит черный уголь
Синей меткой вдоль плечей,
Чтоб их помнили подруги
Да любили горячей.

Шумно гонит воды Яя:
Дикий камень. Тальники.
И журчат, в нее впадая,
Три таежные реки.

ЗОЛОТАЯ ТРАССА

У него от злой зеленой водки
Расплывались круглые зрачки.
Часто бредил он о самородке,
Найденном у голубой реки.

Значит, в путь тяжелый и неблизкий,
По тайге, сквозь заросли болот,
Берегами речки каменистой,
Золотыми тропами пойдет.

И когда на розовом закате
Облаков окрашивался дым,
Вздвогнув, лом отбросил приискатель,
Ослепленный блеском золотым.

Комары гудят. Лежачий камень
Остывает у таежных рек.
Высекая искры под ногами,
Побежал по камням человек.

За тайгою солнце опускалось,
Отекая глазом кровавым,
Он бежал. И все ему казалось:
Чьи-то руки тянутся за ним.

И, кусты колючие ломая,
Взмокнув весь от пота и росы,
Самородок к сердцу прижимая,
Приискатель выбился из сил.

Он упал. Зрачки его застыли.
Кровь текла над синено губой.
Мы его всем станом хоронили
У таежной речки голубой.

Вечер ник, лесной пропитан влагой,
А закат был розов и высок.
На реке гремели цепью драги,
Добывая золотой песок.

Молодые парни из артели,
Засучив по локоть рукава,
О вольготной жизни песни пели,
Подбирая новые слова.

Золотая россыпь веселит их.
В этот смуглый и вечерний час
Поднимают самолеты в слитках
Золотой республики запас.

Развернувшись над аэродромом,
Оставляют в небе синий дым.
Отвечает лес им дальним промом
И сердитым голосом грудным.

ОБУШОК

Двадцать лет в забое уголь крмы он
Обушком, горячим, как огонь.
Известась на крепком угле сила,
Не ухватишь, плюнув на ладонь.
Помнит он, как в черный лоб забоя
Обушком рубал по рукоять.
Было два помощника,
И двое
Не справлялись уголь убирать.
Да пропал, как ветер в поле чистом,
Норов тот, что горы воротил.
Он спустился в шахту мотористом,
О былой работе загрузистил.

...У теплушки встретил старика я,
Догоняя, крикнул:
— «Моторист!»
И улыбка дерзкая такая
С губ его скользнула вниз.
Подошел, сказал он:
— «Нынче в лаве
Я опять работаю, браток!»
Улыбнулся снова и поправил
На плече отбойный молоток.

Понял я, над чем шахтер смеется:
Жизнь, как лава, движется вперед.
Обушком горбатым у колодца
Дочь его рубила хрупкий лед.

СИГНАЛЫ

Два сигнала, возникая,
Отрываются от стали,
Вместе с ветром пролетая,
Умирают на отвале.

Ветер, будто на пропугке,
Ходит мимо эстакад.
Клеть разгружена...
И гулко
Возвращается назад.

У откатчицы, у Насти,
Руки смуглы и сильные.
У нее большое счастье
Восемнадцатой весны.

Чтобы промкий звук металла
Дальним эхом не погас,
Молотком по гулкой стали
Ударяют третий раз.

И сигнал смолкает третий
Чистым звоном серебра...
По стволу прохочут клетки
С черным углем на-гора!

У ствола — веселый малый,
Кучерявый стволовой.
Под ритмичный звон металла
В такт любимым трем сигналам
Он качает головой.

ГОРЮЧИЙ КАМЕНЬ

Отрывок из поэмы

Старик-поселенец, хромой непоседа
Шутил, улыбаясь: «В тайге проживем!».
Ходил он один по звериному следу
С ягташем пустым и старинным ружьем.
Однажды в деревню пришел, запыленный,
Усталый, вспотевший, для легкости бос.
Он с броднями вместе в ягташе ремennem
Черную глыбу угля принес.
С устатку, как водится, выпил медового,
Достал из ягташа угля кусок,
Хотел сказать какое-то слово,
Одышка мучила, сказать не мог.
А мужики потирали колени,
Шибко размахивали руками:
— «Эко, рехнулся Иван-поселенец!
Зачем бы ему горючий камень?
Печи топить? Нехватало печали!
Лесу округ полным-полно...»
— «Правильно!» — гаркнули и продолжали
Пить золотое хмельное вино.
А пьяный охотник буйнит, чванится,
Рубаху срывая, начал кричать:
— «За этот камень Иван-Иванычем
Будете, сволочи, меня величать!»

В Томске нашел себе компаньона,
Кривой усмешкой выжевил рот:
— «Затея — моя, капитал — Михельсона,
Стало-быть, делу дадим оборот».
Купил старику Михельсон недаром
Два дома в Томске... Дома — дворцы!
Иван Иваныч живет, как барин,
Почил на лаврах и в воду концы.
Минули годы. Тайга редела,

Под топором отступая назад.
Раздул Михельсон миллионное дело
Возле черной реки Алчедат.
Рости над шурфами тесовые вышки,
На лапах железных вставали копы,
А в угольных тучах, как молнии вспышки,
Взрывались по черным забоям шпурь.
Звенела кайла. Вагонетки гремели.
Хрипела сирена. Дымился восток.
И грустную песню шахтерской артели
В рабочий поселок сносил ветерок.
Вороном грустная песня летала,
И руки висели, как слитки свинца.
Вагоны катая на тулких отвалах,
Откатчицы песню вели до конца:

«Нет ни сахару, ни чаю,
Нет ни хлеба ни куска.
Вот теперь я понимаю,
Что шахтерова жена!».

Дальнее эхо ответило глухо...
Дразнит фитиль языком кровавым.
Сыро в забое, а в горле сухо,
И песня сердца иссушила им.

Смерти в лицо привыкли смотреть
Шахтеры в ранние годы.
Били сигналы. Зыбкая клеть
Хлябала на путеводах¹.
Камень в забое зловеще тих,
Навис, как хищная лапа.
Шахтеры работали. Возле них
Горели открытые лампы.
Они дымились, маслом залиты,
Дымом глаза разбедало до слез.

¹ Путеводы — направляющие брусья, по которым идет клеть.

А вагонетки, гремя на плитах,
Искры сыпали из-под колес.
Как-то упала на рельсу плаха,
Колеса долой соскочили с осей.
— «Был, — вспоминали, — парень-рубаша,
Смерть пришла — не собрали костей».
— «Уголь жирнее будет от крови!»
Так после молебствия и похорон
На плач семьи и на слезы вдовьи
Своим приближенным сказал Михельсон,
А по квартирам судили о том, как
Жизнь тяжела... Довольно молчать!
За камень горячий хозяина громко
Начали сволочью величать.

А камень горел! Михельсон доволен,
Он миллионы пускал в оборот,
Закладывал наспех новые штольни,
Костями шахтеров считая доход.
Сам проживал в Москве, за Уралом.
Когда бунтовали, приказывал: — «Бей!»
Но шла забастовка девятым валом
К молу из сабель, пик и плетей.
По праздникам церковь медью гудела,
Плясали березы в церковной ограде.
С утра, задыхаясь, гармоника пела
С бубенчиком, в лентах и в пестром наряде.
Сверкал на дороге стеклянный осколок
Разбитой бутылки... И в эти дни
На «Вшивой горке» шахтерский поселок
Стонал от песен и пьяной резни.
Битым стеклом рассыпалось веселье!
Под всхлипы гармошки в шатучий круг
Шахтерские парни, хвативши зелья,
Плясать выводили своих подруг.
Задумали парни по первой распутице
Уехать за золотом на Бодайбо.

Заветная дума, наверное, сбудется...
Изба покачнулась, и стены кружатся.
В глазах пылает огонь голубой.
Ребята мечтали: тяжелое золото,
Как руку девчонки, зажать в ладонь,
Вернуться на копи и весело смолоду
На ветер шустить под шальную гармонию
Горели ребята спиртовым пламенем
И пропадали под топ-да-ля,
Свинцовой обманкой сверкали желания,
А жизнь была — темнее угля.
И только иной за голову схватится,
Поутру с похмелья — душа в крови.
...У тусклых окон Любка-откатчица
Мечтала о чистой и светлой любви.
Уже петухи на нашествиях кричат.
С помятых тушжурок, вставая,
Парни дышат в лица девчат,
Руки им заламывая.

Темнота расширилась, набухла
И сомкнулась в целое с углем.
Где-то в штреке лампочка потухла
С обгоревшим фитилем.
И шахтер фитиль из свежей пакли
Вставил в лампу, выкрутил, зажег...
Где-то капля ударила в каплю
И мурлыкал тихий водосток.
Уходил шахтер, не замечая,
Что фитиль упавший не потух
В темноте мигала искра злая
И глядела жадно в темноту.
Высохшая щепка затрещала,
Языком прищелкивая зло.
Выгибая огненное жало,
Пламя к стойкам подползло.
Залетал тревожно легкий пепел.

Тело черное по штреку выгнул дым
И пополз он, обнимая крепи,
В узкие подземные ходы.

Пожарные кони, спутанные гривы
Закидывая на дуги, горят в бубенцах...
Глаза выкатываются, как спелые сливы,
Вперед! Вперед во весь мах!
Коня кружились возле шахты,
Роняя белую пену, закусывая удила.
По гудящему проводу телеграфного аппарата
С копей к Михельсону телеграмма текла
Трижды взыв, захлебнулась сирена.
Бабы подняли визг и вой.
Они, подгибая ослабшие колена,
Падали и бились о землю половой.
Багровый управляющий, как таракан усатый,
Короткими руками размахивал по сторонам.
Отталкивал старика, выкрикивая: — «Куда ты?
Ну, куда ты лезешь, глупая старина?»
— «К сыну!» — прохрипел старик ветхий —
«Я выведу всех, запасные знаю ходы»...
Но был приглушен густой и едкий,
Косматый, словно чудовище, дым.
Тяжелую крышку на шурф взвалили,
Глиняный утрамбовали настил.
Жены напрасно в слезах молили
Шахтеров от верной смерти спасти.
Там под землей, задыхаясь от дыма,
Будто налиты тяжелым свинцом,
Падали старые и молодые
На мокрую почву вниз лицом.
Казалось, последнее их дыханье
Из щелей шурфа сочится дымком.
Даже у тех, что стояли в молчании,
К горлу катился удушья ком.
Дрогнула толпа.

Заволновались головы.
Подземный в толпе прокатился гул.
Вышел, шатаясь, артельщик, тяжелое
Глухо вымолвил:
— «Не могу!»

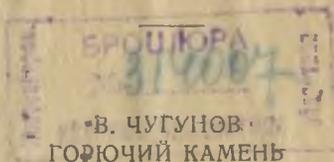
Он шагнул к шурфу и взялся за крышку.
Его оттолкнули. Тотчас кругом
Оцепила стража дымящуюся вышку,
И на крышку пристав ступил сапогом.

Пожар заглушен. На мелкие части
Рвет управляющий от Михельсона ответ:
«Спасайте шахту при вашем непосредственном
участии

Ценою каких угодно жертв».

СОДЕРЖАНИЕ

I	Колхозный шофер . . .	20
Сосна	Рассказ тракториста . . .	21
Подруга		
12 декабря 1937 года . . .	III	
Новый Год	Песня о Петре Сухове . . .	22
Май	Песня о Чкалове . . .	23
Весна в городе	Шахтерская	24
Жажда	Песня девушки	25
Стихи без названия	Песня о Новосибирске . . .	26
Тамара	В Первомайском сквере . . .	27
Октябрьская здравица . . .		
	IV	
II	Яя	28
Посевная	Золотая трава	30
На колхозном стане	Обушок	32
Ночная молотба	Сигналы	33
Золотая осень	Горючий камень	34

Новосибирское
Областное Издательство 1939 г.

Редактор *В. А. Вихлянец*. Техред. *В. И. Лазарев*. Кор-
ректор *В. К. Герсони*. Обложка худ. *В. И. Кондрашкина*

Сдано в производство 31/III-1939 г. Подписано к пе-
чати 5/V-39 г. Уполномоченный Обллита № Б-5075.
Формат 45×70/16. Тир. 3000. Бум. л. 1,25. Печ. л. 2,5
Уч.-изд. л. 2,36. Типогр. зн. в 1 бум. л. 52 тыс. Индекс
X-2-в. Изд. № 52. Цена книги 1 р. 05 к.

Новосибирск, типогр. № 1 Облисповкома.
Красный пр-кт № 20. Зак. № 50.